

Новыя книги. Владиміра Соловьева. Критика
отвлеченныхъ началъ. Москва. 1880.

В. Д. Вольфонъ. Позитивизмъ и «критика
отвлеченныхъ началъ» В. Соловьева. Спб. 1880 //
Отечественныя Записки. 1880. № 7. С. 94-98.

Владими́ра Соловь́ева. Критика отвлеченных началъ. Москва. 1880.

В. Д. Вольфсонъ. Позитивизмъ и «критика отвлеченныхъ началъ»
В. Соловь́ева. Спб. 1880.

Книги, подобныя книгѣ г. Соловь́ева, глубоко-ученныя, непомярно-глубокомысленныя, до отчаянiя толстыя, ставятъ рецензента въ презатруднительное положенiе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ съ ними быть? Говорить о нихъ по существу? Но будетъ-ли стоить игра свѣтъ? А, главное, надо о читателѣ помнить, если не изъ чувства состраданiя къ нему, то по чувству самосохраненiя къ себѣ. Въ исторiи журналистики еще свѣжо преданiе о печальной судьбѣ «Атеней», почтеннаго журнала, почтенно и солидно толковавшаго о «сухихъ туманахъ» и погибшаго преждевременно «въ борьбѣ съ равнодушiемъ публики». Сухiе туманы, сухiя матерiи—плохой и неблагодарный предметъ для собесѣдованiя съ читателемъ. Возможенъ, правда, другой исходъ. Можно было бы представить такую, напримѣръ, рецензiю: «Предметомъ книги г. Соловь́ева являются «отвлеченныя начала», которыя нашъ молодой ученый и критикуетъ съ свойственною ему глубиною и проникательностью. Бумага плотная, шрифтъ прекрасный, цѣна умѣренная. Форматъ книги не оставляетъ желать ничего лучшаго. Пожелаемъ успѣха этому добросовѣстному труду, дѣлающему честь русской философской мысли». И затѣмъ—точка! Если читатель, обольщенный такою «рецензiей», приобрететъ книгу г. Соловь́ева — пусть и справляется съ своимъ несчастiемъ какъ знаетъ: рецензентское дѣло тутъ сторона. Но, однако, можно-ли такъ? Не лягутъ-ли тяжелымъ бременемъ на совѣсть рецензента тѣ рублики или трехрублевки, которыя пожертвуетъ читатель на приобретение сочиненiя г. Соловь́ева, а, главное, то время, которое потратитъ онъ на его прочтенiе? Попытаемся же, отнюдь не вдаваясь въ бесплодную полемику съ г. Соловь́евымъ, резюмировать содержанiе его взглядовъ.

Задача эта, въ сущности, очень не замысловатая. Мы прочли книгу г. Соловь́ева до послѣдней страницы, но сдѣлали это гораздо болѣе по чувству долга, чѣмъ по необходимости. Достаточно просмотрѣть предисловіе г. Соловь́ева, чтобы сразу понять, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Извѣстно, что характеристическою чертою современной наукъ и современной философіи является стремленiе къ возможно широкимъ обобщенiямъ, къ объединенiю не только частныхъ фактовъ, но и отдѣльныхъ законовъ и «силъ», функций которыхъ считались и до сихъ поръ отчасти считаются совершенно самостоятельными. Г. Соловь́евъ не лькомъ пить и отставать отъ общаго движенiя, разумѣется, не согласенъ. Онъ поднимается еще одною ступенью выше по лѣстницѣ синтеза и хлопочетъ объ «осуществленiи положительнаго всеединства въ жизни, знанiи и творчествѣ». Къ сожалѣнiю, г. Соловь́евъ понимаетъ задачу синтеза весьма своеобразнымъ образомъ.

Авторъ прямо заявляетъ, что «въ основѣ истиннаго знанія лежить мистическое или религиозное воспріятіе, отъ котораго только наше логическое мышленіе получаетъ свою безусловную разумность, а нашъ опытъ—значеніе безусловной реальности. Будучи непосредственнымъ предметомъ знанія мистическаго, истина (все-единое сущее) становится предметомъ знанія естественнаго» (xii). Въ другомъ мѣстѣ онъ еще рѣшительнѣе заявляетъ, что «нравственное значеніе общества опредѣляется религиознымъ или мистическимъ началомъ въ человѣкѣ». Мы, конечно, ровно ничего не имѣемъ противъ этого взгляда. Но мы желали бы отъ автора большаго послѣдовательности и смѣлости. Ему рѣшительно не къ лицу брать на себя защиту разума, «начала чисто человѣческаго или рациональнаго», какъ выражается г. Соловьевъ. «Вѣрю, потому что недѣлю», какъ говоритъ извѣстное латинское изрѣченіе—вотъ настоящій девизъ истинной мистики. Мы рѣшительно недоумѣваемъ, и г. Соловьевъ нисколько не разъясняетъ нашихъ сомнѣній, какимъ путемъ можно было бы ввести въ эту область, не посягая на ея цѣлостность, элементъ свободной критики, то «рациональное начало», которое такъ горячо защищаетъ г. Соловьевъ, напримѣръ, въ XXII главѣ своей книги. Ларчикъ, однакоже, открывается просто. Г. Соловьеву и хочется, и колется; онъ съ одной стороны признается, съ другой стороны сознается и, въ концѣ-концовъ, являетъ собою міру довольно печальное зрѣлище любомудра, сидящаго между двухъ стульевъ.

Это «и хочется, и колется» красной нитью проходитъ черезъ всю книгу г. Соловьева. Приведемъ два-три примѣра. Разсуждаетъ г. Соловьевъ о морали. Извѣстно, что относительно воззрѣній на мораль и, главнымъ образомъ, на ея генезисъ существуетъ довольно значительное число философскихъ школъ, въ ряду которыхъ крайними и противоположными полюсами являются съ одной стороны школа такъ называемая интуитивная, съ другой—школа утилитарная. Интуитивная школа считаетъ нравственныя понятія прирожденными человѣку, непосредственными; утилитарная школа выводитъ ихъ изъ опыта, ставить ихъ въ зависимость отъ все болѣе и болѣе расширяющагося и просвѣтляющагося человѣческаго сознанія. Очевидно, что никакого мостика черезъ пропасть, отдѣляющую эти двѣ основныя школы нравственности, перекинуть нельзя. Какже располагается въ этомъ затруднительномъ случаѣ г. Соловьевъ? Да по обыкновенію. Сначала онъ утверждаетъ, что интуитивная мораль «сама отказывается отъ всякаго теоретическаго значенія, такъ какъ въ самомъ принципѣ своемъ отрицаетъ основное теоретическое требованіе этики дать разумное объясненіе или оправданіе основному нравственному факту и признаетъ только этотъ фактъ въ его непосредственномъ эмпирическомъ существованіи» (43). Черезъ нѣсколько страницъ авторъ совершаетъ уже нѣкоторый поворотъ: «всѣ нравственныя понятія, говоритъ онъ:—*совершенно априори* (курсивъ нашъ), т. е. имѣютъ свое мѣсто и

источникъ въ разумѣ и притомъ въ самомъ обыкновенномъ человеческомъ разумѣ не меньше, чѣмъ въ самомъ умозраительномъ, что, слѣдовательно, они не могутъ быть отвлечены ни отъ каковаго эмпирическаго и потому случайнаго познанія, и что въ этой чистотѣ изъ происхожденія и заключается все ихъ достоинство, благодаря которому они могутъ служить намъ высшими критическими принципами» (55). А еще черезъ два десятка страницъ авторъ уже рѣшительно заявляетъ, что «разсудочнымъ и эмпирическимъ путемъ нельзя доказать нравственное достоинство каковаго бы то ни было лица или дѣйствія, такъ же, какъ нельзя доказать этимъ путемъ и эстетическую красоту. И то, и другое есть дѣло непосредственной живой интуиціи» (73). Вотъ и извольте тутъ разобратся. Положеніе автора, очевидно, безвыходное. Какъ мистикъ, ему необходимо держаться ученія интуитивовъ; какъ философъ, онъ столь же необходимо долженъ уважать разумъ и его верховныя права. Какъ тутъ быть? Остается только по комфортабельнѣе улечься между стульями.

Разсуждаетъ г. Соловьевъ о другомъ коренномъ вопросѣ философіи—о свободѣ воли. Понимая задачу синтеза исключительно въ смыслѣ прискиванія болѣе или менѣе благовидныхъ компромиссовъ между противоположными и враждебными другъ другу возрѣніями, г. Соловьевъ и въ этомъ случаѣ заботится только о томъ, чтобы и волковъ накормить, и овецъ сохранить. Для этого онъ употребляетъ нѣкоторый діалектическій фокусъ-повусъ, можетъ быть и замысловатый, но, въ сущности, ровно ничего не разрѣшающій. Всѣ явленія имѣютъ свою причину и предопредѣляются ею—этого основоположенія г. Соловьевъ «не подвергаетъ сомнѣнію». Но вѣдь явленія не имѣютъ «абсолютной реальности»; явленія—это не болѣе, какъ «представленія, а не вещи сами по себѣ». Ну, такъ что-жь? спроситъ читатель. А то, съ побѣдоноснымъ видомъ отвѣчаетъ г. Соловьевъ, что, стало-быть, «явленія должны имѣть сами такія основанія, которыя уже не суть явленія» (100). Читатель, конечно, ошеломленъ такимъ неожиданнымъ выводомъ, да и самъ г. Соловьевъ сознается, что его діалектическій фокусъ «кажется въ высшей степени тонкимъ и темнымъ» (100). Еще бы! Тѣмъ не менѣе, г. Соловьевъ цѣлко, какъ за яворъ спасенія, держится за свое различіе «умопостигаемыхъ» и «эмпирическихъ» причинъ, потому что только въ немъ видить возможность примиренія «природы» съ «свободой». Это, конечно, пусть будетъ какъ г. Соловьеву угодно. Спорить съ нимъ мы не намѣрены. Мы указываемъ только на постоянную тенденцію автора примирять непримиримое и соглашать несогласимое, посредствомъ-ли механическаго электизма, путемъ-ли діалектическихъ хитросплетеній или, наконецъ, просто одновременнымъ выраженіемъ двухъ противоположныхъ взглядовъ.

Обходя уморительныя разсужденія г. Соловьева о социализмѣ и «мѣщанскомъ царствѣ» (социализмъ, видите-ли, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ ученія экономистовъ, такъ какъ,

по мнѣнію г. Соловьева, имѣеть въ виду лишь матеріальное благосостояніе, на которое нашъ мистическій философъ смотритъ чрезвычайно презрительно), любопытно посмотрѣть на тѣ конечные индивидуальныя и общественныя идеалы, которые рекомендуетъ г. Соловьевъ. Сущность этихъ идеаловъ понять не легко, если только даже возможно. По мнѣнію г. Соловьева, «истинный, нормальный человѣкъ безусловно солидаренъ со всѣми или мыслимъ только во всемъ и точно также всѣ немислимы безъ него: человѣкъ или человѣчество есть *существо, содержащее въ себѣ* (въ абсолютномъ порядкѣ) *божественную идею*, то есть *всеединство*, или безусловную полноту бытія, и *осуществляющее* эту идею (въ естественномъ порядкѣ) *посредствомъ разумной свободы въ матеріальной природѣ*» (186) (курсивъ автора). Противъ такого идеала (предварительно, разумѣется, очищеннаго отъ всякихъ мистическихъ наслоеній à la г. Соловьевъ) трудно, да и нѣтъ надобности спорить. Личность, воплощающая въ себѣ «безусловную полноту бытія», солидарная «во всемъ» съ человѣчествомъ и необходимая для него—полнѣе, шире и выше этого индивидуальнаго идеала ничего и придумать нельзя. Но философія г. Соловьева тѣмъ и отличается, что разрушаетъ одной рукой то, что создано другой. Казалось бы, если каждый олицетворяетъ собою «всю полноту бытія», то изъ этого, по всѣмъ правиламъ элементарнѣйшей логики, вытекаетъ и тождественность правъ и обязанностей. Таковъ выводъ, понятнo, глубоко противенъ г. Соловьеву, и онъ начинаетъ свои обычныя оговорочки и урѣзочки: каждый, говоритъ г. Соловьевъ, долженъ имѣть «нѣкоторую коренную особенность, отличающую его отъ всѣхъ другихъ и дающую ему опредѣленное и нигдѣ другимъ незамѣнимое мѣсто и значеніе въ составѣ абсолютнаго дѣлага» (188). Понимаете, читатель, куда дѣло пошло? Дальше въ дѣсь, больше дровъ: «хотя, говоритъ г. Соловьевъ:—всѣ равно участвуютъ въ абсолютной идеѣ или входятъ въ составъ всеединства, но каждый, въ силу своего собственнаго качества представляя эту идею особеннымъ образомъ, самъ является какъ нѣкоторая особенная, специальная идея, необходимая для полноты всеединого: другими словами, хотя всѣ они по отношенію къ цѣлому или въ абсолютномъ (sub specie aeternitatis) тождественны между собою, какъ всѣ конечныя величины равны между собою по отношенію къ величинѣ безконечной, но взаимное ихъ отношеніе другъ къ другу, въ силу особенности или специальной идеи каждаго, необходимо является различнымъ» (188). Дѣло, такимъ образомъ, окончательно выясняется. Личность должна выражать собою всю общечеловѣческую, міровую идею—всю, за исключеніемъ всѣхъ тѣхъ частныхъ, специальныхъ идей, которыя составляютъ ея необходимыя элементы, но практическое выраженіе которыхъ (по мысли г. Соловьева) составляетъ обязанность и принадлежность другихъ индивидуумовъ. Много-ли, спрашивается, остается отъ «всеединой идеи» въ распоряженіи личности? Объ этомъ

г. Соловьевъ не заботится, онъ заботится лишь о томъ, чтобы, говоря вульгарно, какое нибудь суконное рыло не пробралось въ завѣтный калачный рядъ, чего успѣшно и достигаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, *въ идею* всѣ личности равны между собою, потому что всѣ онѣ передъ лицомъ «всеединства» одинаково ничтожны, одинаково нули, какъ одинаково ничтожны всѣ конечныя числа передъ безконечно большимъ числомъ. Но *фактъ*—дѣло иное: и двугривенный—деньги, и сто рублей—деньги, выражаютъ они одну и ту же идею, передъ безконечностью одинаково ничтожны, но это нисколько не препятствуетъ сторублевѣ быть ровно въ пятьсотъ разъ цѣннѣе двугривеннаго. Понимаете, читатель? Ничего, штука ловкая!

Таковы индивидуальныя идеалы г. Соловьева. Соотвѣтственнаго достоинства и его общественныя идеалы. Общество должно «слиться съ церковью», отношенія между его членами должны регулироваться «любовью»... «Позвольте! воскликнетъ читатель.— Это что-то знакомое, я гдѣ-то читалъ нѣчто подобное». И даже очень знакомое: въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» г. Достоевскаго, старецъ Зосима развиваетъ ту же самую общественную теорію, но развиваетъ ее, если не съ большею толковостію и опредѣленностію, чѣмъ г. Соловьевъ, то съ большею горячностію, со страстію, съ убѣжденіемъ. Въ «Перепискѣ съ друзьями» Гоголя тоже можно встрѣтить не мало намековъ соотвѣтственнаго содержанія. Такимъ образомъ, теорія г. Соловьева не представляетъ собою даже интереса новизны. Все, что внесъ въ нее нашъ авторъ самобытнаго и оригинальнаго, заключается въ «синтетическомъ» примиреніи «неограниченнаго федерализма» съ «безусловною централизациею» (189), примиреніи, представляющемъ собою только одинъ изъ безчисленныхъ образчиковъ обычнаго стремленія г. Соловьева соглашать несогласимое.

Такимъ, если можно такъ выразиться, убогодичнымъ характеромъ отличается вся книга г. Соловьева. Мы далеки отъ мысли заподозрѣвать чистоту намѣреній автора. Онъ нерѣдко приходитъ къ выводамъ, по истинѣ, возмутительнымъ, но дѣлаетъ это, очевидно, отнюдь не изъ сознательнаго іезуитизма, а просто по своей беззащитности. Въ заглавіи онъ обѣщаетъ «критику», на дѣлѣ же оказывается неспособнымъ къ ней даже до смѣшнаго или до печальнаго. Излагаетъ онъ мнѣнія какого нибудь философа и, подавляемый его диалектикой и логикой, благодушно киваетъ утвердительно головою на всѣ его выводы; излагаетъ мнѣнія другого философа, противоположнаго направленія, и съ меньшимъ благодушіемъ соглашается и съ нимъ. Чувствуя потребность выйдти изъ такого затруднительнаго положенія, онъ беретъ кое-что у одного авторитета, кое-что у другого, у третьяго, все это механически слеиваетъ и представляетъ читателю какъ результатъ своей «синтетической» работы. Конечно, выходить не синтезъ, даже не эклектизмъ, а просто-напросто сумбуръ, плѣвнйной мысли раздраженіе.

Брошюра г. Вольфсона, направленная противъ г. Соловьева, въ защиту позитивизма, по самой цѣли своей относится только къ одной и, притомъ, сравнительно говоря, незначительной сторонѣ вопроса. Вѣрный себѣ въ своихъ ежеминутныхъ, ежесекундныхъ противорѣчiяхъ, г. Соловьевъ наговорилъ о позитивизмѣ цѣлую кучу взаимно другъ друга уничтожающихъ вещей, и вотъ на эти-то именно противорѣчiя г. Вольфсонъ съ полнымъ основанiемъ и указываетъ въ своей брошюрѣ. Мы не понимаемъ, однакоже, почему г. Вольфсонъ усматриваетъ въ сочиненiи г. Соловьева «обильный матерьялъ для разъясненiя многихъ чрезвычайно важныхъ вопросовъ», почему онъ находитъ, что г. Соловьевъ «шевелитъ сознание интеллигенци, внушаетъ интересъ къ философскому мышленiю» и проч. Такое мнѣнiе, лестное для г. Соловьева, прямо оскорбительно для интеллигенци. Плохата интеллигенци, сознание которой можетъ «шевелить» первый встрѣчный любомудрствующий младенецъ или младенчествующий любомудръ.